

Казаков Р.Б.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВНУТРИВИДОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Классификация исторических источников является одной из наиболее сложных проблем в источниковедении с момента становления источниковедения как отрасли исторической науки и – шире – гуманитарного знания. Любое учебное издание, от кратких методических указаний и до стабильно работающих по нескольку десятилетий учебников источниковедения, обязательно содержит в себе развернутый раздел, посвященный классификации источников. Одновременно эта проблема является одной из наиболее сложных для восприятия и понимания студенческой аудитории. Можно предположить, что одной из причин непростоого усвоения этого материала служит тот факт, что он выступает как абсолютно новый и не опирающийся на предыдущий опыт обучения в школе и на начальном курсе вуза. Нова терминология, незнакомы принципы логики и построения классификационных схем. Однако в истории источниковедения существует и история построения классификаций исторических источников, имеющая богатую литературу, ставшую классической.

Опыты систематизации источников всех типов присутствуют уже в крупных нарративах российской истории XVIII и последующих веков, но принятая группировка источников не осмысливалась теоретически и как составная часть метода источниковедения [8]. Можно отметить, что теоретическое осмысление приемов классификации и места самой процедуры классификации в источниковедении приходится на десятилетия второй половины XX века, начиная со второй половины 1950-х годов, затем особенно остро в 1960–1980-е годы. Острота споров и презентаций в литературе различных схем классификации спадает со второй половины 1980-х годов. Определенным подведением итогов теоретических штудий в источниковедении выступила работа И.Л. Беленького [1]. Следующий этап возрождения интереса к классификационной проблематике приходится уже на первые годы XXI века и связан он, как представляется, в первую очередь, с опытами осмысления природы источников на электронных носителях (при всем разнообразии существующей терминологии для их обозначения) [3; 4; 5; 10; 11; 12]. Эта предельно схематизированная периодизация истории опытов классификации исторических источников не претендует на учет всех особенностей и противоречий исследовательского процесса, но может выступать в качестве рабочего инструмента.

За десятилетия теоретических исследований и построения классификаций в источниковедении предложены и аргументированы несколько классификационных схем (М.Н. Тихомирова, Л.Н. Пушкарева, С.О. Шмидта, И.Д. Ковальченко и др.). Несмотря на кардинальные различия в принципах и подходах к построению классификаций исторических источников, у этих схем есть общие черты. Обоснована и продолжает успешно функционировать следующая линия таксонов: тип источников – вид источников – разновидность источников – разновидность внутри разновидности источников. Иными словами, типология исторических источников, являясь частным случаем более общей процедуры классификации, выделяет типы источников; логически следующая операция классификации – выделение видов источников внутри типа. Внутри вида источников не могут содержаться типы источников. Логически операция типологии источников предшествует операции классификации по видам. Речь в данном случае идет скорее о корректности употребления специальной терминологии в источниковедении: даже на уровне подбора синонимов в научном тексте «вид» не может быть заменен «типом» и наоборот.

В период после середины 80-х годов XX века и до настоящего времени в исследовательских и преподавательских практиках источниковедения (иногда в научных текстах, а иногда даже на уровне доступных аналогий и примеров, приводимых устно в аудитории) сложились удобные по разным обстоятельства, но некорректные случаи оперирования различными терминами и приемами характеристики исторических источников в различных конфигурациях, совокупностях и комплексах. Например, летописание как вид исторических источников рассматривается в рамках периода, доходящего до середины XIX века. Иногда утверждается, что летописанию на смену приходят научные исторические труды и т.п. Возможно, что такие ситуации и не требуют углубленного теоретического осмысления, но накопленный багаж требует, как минимум, проговаривания и формулирования, даже если речь идет о вполне тривиальных высказываниях.

В дальнейшем я отталкиваюсь от типологии исторических источников, сформулированной в работах М.Н. Тихомирова и Л.Н. Пушкарева и неоднократно реализованной в практике исследования и преподавания источниковедения Научно-педагогической школы источниковедения [2; 9].

Исторически сложилась практика построения трудов российских историков (как и их коллег в других странах Европы) на основе использования письменных исторических источников. Именно для письменных исторических источников оформилась классификация до глубины деления на разновидности источников, а в некоторых случаях и до подразделений разновидностей источников.

Видовая классификация источников иных типов остается не решенной проблемой в источниковедении в целом. Эта ситуация справедлива и для третьего десятилетия XXI века, несмотря на значительные опыты осмысления природы технотронных источников (фото-, аудио-, кино-документов) и источников на электронных носителях. Научно-педагогическая школа источниковедения стоит у истоков осмысления природы вещественных источников (работы О.М. Медушевой) [7].

Но если современное источниковедение не предлагает сколько-нибудь опробованных и сложившихся схем классификации источников различных типов, кроме письменных, то в этой связи возникает ряд вопросов о теоретической возможности построения такой классификации. Возможно ли вообще осуществить классификацию внутри типов источников по схеме «тип – вид – разновидность»? Если типы источников в принятой типологии выделяются по принципам кодирования и хранения информации в них, а критерием выделения вида письменных источников является цель создания источника, возможно ли определение цели создания того или иного источника внутри типов, кроме письменных? Существуют ли здесь препятствия на уровне теории или таких препятствий не наблюдается? Я не пытаюсь дать ответы на заданные вопросы, но полагаю, что они заслуживают системного теоретического осмысления.

Некоторые сложности видовой классификации внутри типов источников, кроме письменных, можно сформулировать уже сейчас. В первую очередь они проистекают из особенностей принятой типологии источников. Она не является логически строгой, не основана на одном признаке деления всей совокупности объектов (исторических источников). Типологии источников, предложенные в трудах С.О. Шмидта, И.Д. Ковальченко, логически более строги, но именно поэтому и не функционируют в исследовательских практиках.

В принятой типологии получается, что Лаврентьевская летопись – безусловно один из письменных источников со всеми присущими ей признаками летописного произведения. Но Лаврентьевский кодекс – это вещественный источник, характеристики которого изучаются приемами различных вспомогательных исторических дисциплин (материалы письма – пергамен, чернила, способы разлиновки пергаменного листа, орудия письма, особенности переплета и пр.). Необходимо зафиксировать следующую особенность источниковедения, работающего с письменными источниками, впрочем, вполне осознанную в определениях объекта и предмета изучения различных вспомогательных исторических дисциплин: комплекс вспомогательных исторических дисциплин изучает письменные источники как вещественные, разрабатывает приемы и методы изучения письменных источников как источников, принадлежащих к другому типу – источников вещественных. Информация, полученная этими методами, соединяясь с источниковедческим анализом письменного источника, складывается в единую систему научного знания о каждом данном историческом источнике как феномене культуры.

Следующее. Каково целеполагание создания вещественного источника в виде Лаврентьевского кодекса? Очевидно, что вещественные источники по своему происхождению являются более древними, нежели письменные. Аналогичное утверждение возможно предложить и для типов источников устных и лингвистических. Исторически сложившаяся совокупность вещественных источников (независимо от того, дошли ли они до нашего времени и доступны ли для изучения) более масштабна, нежели письменных источников. Любой письменный источник одновременно является и вещественным. Так, вещественным источником будет рукопись какой-либо главы пушкинского «Евгения Онегина», но в равной степени и любая публикация этой главы в составе самого произведения в печатном виде (по необходимости оставим без рассмотрения бытование пушкинского текста в составе других типов источников: устных, технотронных, на электронных носителях). На очень внешнем уровне рассуждений можно предположить, что целеполагание создания бумажных листов со строками «Евгения Онегина», исписанных рукою Пушкина, и огромного количества изданий «Евгения Онегина» в разные эпохи на разных языках и в разных обстоятельствах – разное, значит и к разным видам вещественных источников эти феномены культуры следует относить. Но при этом всегда в основе таких источников будут лежать пушкинские строки. Полагаю, что здесь есть проблема, которая требует исследовательского внимания.

В карамзиноведческих штудиях не уделялось внимания вопросу о типологических характеристиках нежных поэтических строчек о судьбе несчастной бедной Лизы, вырезанных в 90-х годах XVIII века руками читателей повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» на коре деревьев, растущих вокруг Лизина пруда. Это источник письменный, вещественный, эпиграфический, к какому типу или типам он принадлежит, к какому виду внутри типа следует его отнести и есть ли в этом исследовательская необходимость?

Пока же, исходя из анализа состояния источниковедческих исследований различных типов источников, возможно зафиксировать следующую ситуацию: современное источниковедение не требует классификационную схему «тип источника – вид источника – разновидность источника –

разновидность источника внутри разновидности» для типов источников, кроме письменных. В связи с этим остается непроясненным вопрос о возможности выделения видов источников по признаку целеполагания внутри типов источников, кроме письменных. Исследовательский опыт изучения письменных источников дает положительный ответ на это вопрос, исследовательские практики иных типов источников пока никакого ответа для обобщения на уровне типа источников не дают. Наиболее продвинулись исследования в области классификации исторических источников для технотронных источников [6] и источников на электронных носителях, но и здесь проблема построения наиболее логичных и обоснованных классификационных схем в целом не решена. В еще меньшей степени это относится к типу источников вещественных.

Представленные наблюдения не имеют характера конечных выводов, но призваны обострить исследовательский интерес к проблематике классификации всей совокупности исторических источников как феноменов культуры.

1. Беленький, И. Л. Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.) : аналит. обзор / И. Л. Беленький. – Москва : ИНИОН, 1985. – 69 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцев. – 2-е изд., испр. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 686 с.
3. Ларин, М. В. Информационное обеспечение управления : учеб. пособие / М. В. Ларин. – Москва : РГГУ, 2018. – 279 с.
4. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях : проблемы истории и методологии : дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 2000. – 413 с.
5. Ларин, М. В. Электронные документы: вопросы теории и практики / М. В. Ларин // Вестник РГГУ. Сер. «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». – Москва : РГГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 53–63.
6. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – Москва : РГГУ, 2005. – 394 с.
7. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : РГГУ, 2008. – 361 с.
8. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – Москва : Наука, 1975. – 281 с.
9. Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
10. Юмашева, Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015 гг.) : научные исследования в области применения информационных технологий / Ю. Ю. Юмашева. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 354 с.
11. Юмашева, Ю. Ю. Историография научных исследований в области информатизации архивного дела в Российской Федерации : начало 1990-х – 2016 г. : дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Ю. Юмашева. – Москва, 2017. – 520 с.
12. Юмашева, Ю. Ю. Электронный документ как исторический источник: проблемы источниковедческой критики / Ю. Ю. Юмашева // «Генеральный регламент»: 300 лет на службе России: от коллежского делопроизводства до управления документами : материалы практ. конф. (Москва, 14-16 окт. 2020 г.). – Москва, 2021. – С. 299–311.

Стедьмашук В.С.

АРХЕОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИНЕМАТОГРАФА

Популярные фильмы всегда имели непростые отношения с прошлым, а значит, и с археологией. Книги, живопись и фильмы связаны с массовой культурой, доступной аудиториям в разных странах, хотя она в конечном итоге основана на одном оригинальном произведении искусства: тексте автора, картине художника и негативе кинорежиссера. Прошлое подвержено атаке вымыслом и этот вымысел начинает выглядеть «настоящим». Это связывает фильм с дискуссией, которая видит искусство и археологию в противоречии, потому что последняя ищет единую, объективную, эмпирическую истину, в то время как первая ищет творческие ответы. Фильмы могут быть искажены политическим контекстом, в котором они снимаются, издержками производства (деньгами и временем) и необходимостью коммерческого или пропагандистского возврата. Аналогичные ограничения также влияют на публичное представление археологии в кинематографе. Кинематографисты часто осознают преднамеренность любого искажения ради повествовательной драмы.

Какими же предстают археология и археологи в современном кинематографе? Попытаемся представить некоторые рассуждения на эту, еще малоизученную, проблему.

Кинематография – это искусство создания кинофильмов. Увлечение человека концепцией общения со светом и тенями уходит своими корнями в древность. Устройства, которые открыли человечеству дорогу к современному кинематографу, начали появляться еще в первой половине XIX века. А уже в 1895 году в парижском «Гранд-кафе» люди впервые смотрели кино, заплатив за него. Братья Люмьер показали здесь восемь короткометражных фильмов. Синемаграф приобрел большую популярность в Европе. В следующем году он был привезён в Соединенные Штаты [2]. С тех пор кино шло в ногу со временем, а иногда и обгоняло его. Благодаря огромному количеству жанров, приемов, стилей и направлений кинематограф стал считаться наиболее популярной культурной практикой, отражающей множество социальных, экономических и культурных явлений в современных обществах.